

С . Лурье

ВЗБАЛОМУЧЕННОЕ МОРЕ

(конец русской общины и триада типов
этического сознания).

Опыт социального психоанализа.

Несколько десятилетий тому назад завершила свое существование русская крестьянская поземельная община. Предмет стольких споров. Предмет воспеваний и предмет проклятий. "Община есть союз людей, отказавшихся от своего эгоизма, от личности своей, и являющий общее их согласие: это действие любви, высшее действие христианское", — писал Константин Сергеевич Аксаков (1). "Все рассудительные, хозяйственные крестьяне стоном стонут от тяжелых цепей общины. Никто в общине ничего не может делать по своему разуму — уму, а "как мир", а мир знай свое твердит: "наши деды и отцы так жили", — сообщал в своем репортаже из деревни корреспондент газеты "Россия" (2). Константин Сергеевич между тем продолжает: "Община представляет таким образом нравственный хор, и как в хоре не теряется голос, не подчиняется общему строю, слышится в согласии всех голосов: так и в общем не теряется личность, но отказывается от своей исключительности для согласия общего, она находит себя в высшем очищенном виде, в согласии равномерно самоотверженных личностей; как в звучании голосов каждый голос дает свой звук, каждая личность слышна, но не одиноко, а согласно — представляет высшее явление дружного, совокупного бытия разумных существ, представляет братство. Община — торжество человеческого духа" (3).

Мало-мальское знакомство с сельской жизнью аксаковских же времен разбивает эту идиллию — "в высшем очищенном виде" да "в согласии равномерно самоотверженных личностей". Однако не случайно еще не одно поколение русских интеллигентов боготворило крестьянскую общину. Была в словах Аксакова своя правда, особая правда. Община действительно была в своем роде шедевром и, может быть, этика крестьянской общины была самым светлым, что знала история нашей нравственности (позвольте мне такое выражение). Что же касается свода ее неписанных моральных норм, можно сказать, что там были свои изъяны. Но не за них постигла общину такая жесткая участь. Однако, в бытии историческом, кажется, безвинных

жертв не бывает. К истории идей и их воплощению это относится во всяком случае. "История имеет свои законы, — писал Владимир Соловьев, — в силу которых всякое идейное содержание, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы в последних своих заключениях найти свое торжество и свое обличение" (4). Община — не безвинная жертва, поскольку один-таки действительно существенный изъян в ней был.

Этическое сознание крестьянской общины по видимости такое прочное и нерушимое, по самой сути своей могло и должно было однажды полететь в тартарары. Просто потому, что оно не было самодостаточным, а таковым себя считало. (Может быть, это упрек, но тогда это упрек не только общине).

Прежде чем вести речь дальше, надо выяснить, что мы здесь называем общиной. Хозяйственные отношения, как таковые, нас интересовать не будут. Нас интересует община как психологическая общность. — Она такой была. Русская община одна из форм стабильной психологической, душевной общности. Какой-нибудь американский городок средней величины, обыватель которого по духу своему остался таким же почти, каким мы его знаем, скажем, по "Тому Сойеру" — тоже одна из форм стабильной (традиционной!) психологической общности — и в этом смысле стоит в одном ряду с русской крестьянской общиной. Рассматривая же перипетии, которые могут происходить и происходят с этическим сознанием при всяческих внешних и внутренних передрягах, можно было бы обратиться и к американскому примеру, но я выберу для иллюстрации своих мыслей процесс, который можно рассматривать (к сожалению) как завершившийся, очень острый и контрастный, а кроме того нам более близкий и с нами душевно связанный.

Итак, община одна из форм стабильной психологической общности. Она тесно связана с таким видом этического сознания, который я буду называть родовым. Кроме родового выделим также личностное этическое сознание (самоответственность) и законное (эраза-этическое) сознание. Они будут различаться по своей структуре, способам формирования и типам личности, которые возникают при доминировании того или другого из них. Различные уровни этического сознания могут существовать в психике одного и того же человека, друг друга преобразуя.

Крестьянская община осознает себя как институт целостный,

традиционный, в самой себе имеющий высший авторитет. Свидетельства об этом не трудно найти у историков и этнографов. "В решении многих социальных вопросов для крестьянства основным фактором был обычай. В деловых бумагах разного типа постоянно встречаются ссылки крестьян на действия и права их предков, дедов и отцов, для обоснования собственных поступков и прав" (5). "Мы" — это наша община и соседние общины сходные с ней, "они" — все прочие жители земли, будь то помещики или "крестьяне соседнего, но государственного села" (6). Впрочем, "мы" — это еще и царь и Бог. "В представлении крестьян царь и Бог были их союзниками и защитниками от всех и всяческих "они". (...) Законность своих выступлений крестьяне всегда обосновывали нормами религиозной морали и ссылками на царский указ. На том же основании действия помещиков объявлялись незаконными, нарушающими волю царя" (7). Как судят царь и Бог, так судим и мы. Как мы судим, также судит царь и Бог. Моральные нормы нашей общины имеют высшую моральную санкцию. Ребенное, юный член общины должен хорошо усвоить их — на это направлена вся система воспитания.

Нормы родовой морали передаются от родителей к детям почти не изменяясь — они постоянны для стабильных и долговременных социальных групп. Эти нормы впитываются ребенком с молоком матери. Это почти буквально так. Известно, что свои отношения со старшими, отношения в семье, малыш воспринимает как модель мира, в который ему предстоит войти. И здесь, на мой взгляд, дело не только в сознательном восприятии и усвоении определенных правил поведения и способов отношения к реальности. Родовая мораль кажется мне связанной с интериоризированным образом матери. По мнению английского психоаналитика Мелани Кляйн, в ранний период жизни ребенка образ матери внедряется в его психику, точнее два образа: положительный и отрицательный. При спокойном детстве положительный образ (любовь, безопасность) вытесняет отрицательный (олицетворение обид, страхов, физической боли), в противном случае вступает с ним в конфликт (8). Нормы родовой морали — это уже мое предположение — сливаются с положительным образом матери. В таком случае мы имеем прочное родовое сознание, в ситуации конфликта родовое сознание оказывается слабым, тонким.

Кстати, общинники, русские крестьяне по-своему это понимали. Об этом пишет В. Белов в своих заметках о народной эстетике "Лад": "Место ремня и виши в семейных делах крестьян явно преувеличивалось пристрастными знатоками народного быта. Что-то, а зло и добро никогда не менялись местами в крестьянском мировосприятии. Подсобию желтку и белку в яйце, они никогда не смешивались друг с другом. Атмосфера добра вокруг дитяти считалась обязательной" (9). /Выделено - мною. С.Л./. "Дети в семье считались предметом общего поклонения, любви, забот. Нелюбимое дитя было редкостью в русском крестьянском быту. Люди, не испытывавшие в детстве любви родителей и домочадцев, обычно с возрастом становились несчастными /.../. Вырастая и становясь на ноги, сироты становились обычными мирянами, но рана сиротства никогда не зарастала в сердце каждого такого мирянина" (10).

С самых малых лет закладывались в детской головке установки: что хорошо и что плохо, как надо себя вести и как не надо. Добро - сконцентрировано в образах отца, матери. О родовых нормах крестьянской морали, коренящихся в самых глубинах бессознательного, нельзя судить по поверхностным проявлениям. Сторонние наблюдатели склонны эти внешние проявления абсолютизировать и глубоко в том неправы.

Эти нормы ни в коем случае нельзя представить в качестве набора правил, поведенческих стереотипов. Прежде всего бросается в глаза, что эти стереотипы в разных деревнях различны. И крестьяне все это многообразие внешних проявлений норм родового сознания признают чем-то "своим". "То как у нас, конечно, лучше всего, но как у них тоже можно". Здесь для нас интересно не то, что мы встречаемся с разными модификациями одной и той же традиции, а то, что один крестьянин одного конкретного села понимает, что внешнее выражение некоторого известного ему содержания может быть различно. И когда мы говорим о социализированности родовых норм, лишь в малой степени имеем в виду, что predeterminedены способы их выражения, а то, что само их содержание, именно содержание, является общим для социальной группы. Выделить и выразить нормы родового сознания - отдельная, кропотливая работа. То, что я попытаюсь сделать - лишь первое, грубое приближение.

Русская крестьянская семья по самой сути своей иерархична. Сын находится в повиновении у матери и отца, жена у мужа, невестка у свекрови. Иерархичность во всех человеческих отношениях — одна из постоянных психологических установок крестьянской этики. Но прочность этой установки утверждается тем, что исключения и возможны и даже необходимы.

Моя прабабка, Ирина Павловна Мышлицва /д. Сумбулово, Спасский уезд, Рязанской губ./ отличалась особо смиренным характером. Выданная семнадцати лет от роду за жениха, которого впервые увидела лишь на собственной свадьбе, она до смерти мужа была ему во всем покорна, молча сносила и несправедливость к себе и обиды. Она же была известна в родной деревне тем, что однажды хорошенько поколотила свекра, Петра Ивановича, спьяну гонявшего по двору свекровь, бабушку Наталью. Деревенский мир не осудил ее за такое самоуправство, свекр зауважал. Ее поступок, связанный с нарушением очевидных моральных норм почтения к родителям мужа, был оправдан тем, что восстанавливал справедливость как ее понимала крестьянская община. Впрочем, сам этот случай не был поводом к дальнейшему нарушению иерархии. Невестка знала свое место.

С представлением об иерархическом устройстве мира, мироздания, связан и особый авторитет царя. Это авторитет не конкретной личности. Царь — забстливый отец. Труд его тяжок. Быть царем — бремя, послушание. Поставленный Богом быть главою над крещеными людьми, он первый и ответчик за них перед Богом. Психологическая связь крестьян с царем интимная, почти родственная. Связь с помещиком значительно слабее. Когда Павел I потребовал, чтобы в числе прочих категорий населения России ему присягали и крестьяне, то решили, что этот факт означает, что они отныне не помещиковы, и в повиновении помещикам могут отказать (II). Тем более, память о Юрьеве дне за все столетия так и не исчезла окончательно. Если же на помещика крестьянин смотрит как на препятствие своей непосредственной, живой связи с царем, то чиновники и вовсе пятые колеса в телеге. В седой истории мы встречаемся с живым, поныне здравствующим стереотипом — во всех бедах народа виновато среднее звено. Царь и народ — общее "мы".

Вспомним опыт народников. Не потому ли их призваны идти

войной на помещиков встречали упорное неприятие народа, что помимо прочего они говорили, что "Бога нет, что попов и архиереев не нужно, что народ угнетен палачами и все это идет от царя; поэтому нужно как царя, так и разных начальников и попов уничтожить, тогда все будут свободны; царя себе выберут на три года, и если он окажется нехорошим, то его можно будет сменить" (12).

Тем убедительнее выглядит удача другой группы народников, действовавших в Чегеринском уезде Одесской губернии. Один из них, Стефанович, выдал себя за царского комиссара, которому было поручено сформировать народную "Тайную дружину". В подложной высочайшей царской грамоте царь якобы рассказывает, что как сел на престол, так только тем и занимается, что добивается передачи крестьянам земли "безо всяких платежей". Но лукавое среднее звено "хитростью и обманом за собой большую и лучшую часть земли удержало". Убедившись, что единолично с дворянским игмом ему не справиться, царь призывает: "Осени себя крестным знаменем; православный народ, призвы Божье благословение на святое дело твое" и соединившись в "Тайную дружину" добывай землю и волю сам (13). В заговоре участвовало около тысячи (!!!) человек. Это классический случай традиционного русского самозванства.

Вобщем, крестьянский бунт практически всегда связан с самозванством. Бунт — составляющая родового сознания русских крестьян. Терпение в его крестьянском (но ни в коем случае не в христианском!) понимании и бунт — явления, лежащие в одной плоскости, выражение комплекса взаимосвязанных, тесно друг с другом переплетающихся норм одной и той же родовой морали. Человек должен подчиняться иерархии бытия, даже если лично для него она не удобна, должен знать свое место в ней. Бунт возникает, когда эта иерархия бытия, как кажется крестьянину, кем-то извне нарушается. Например, помещик скрывает от крестьян волю царя.

Бунт — форма самозащиты крестьянской общины. Он по сути дела именно и есть исключение, подтверждающее правило, и в этом смысле соизмерим с поступком кроткой Ирины Павловны, потрясшей за грудки своего уважаемого свекра Петра Ивановича.

Если миропорядок пошатнулся, его надобно подправить.

Бунтуя, крестьянин, конечно, представлял против чего он бунтует, положительной же программы по-существу не имел. "Даже высшее проявление крестьянского движения - восстание - не может выработать своей идеологии" (14). Вожаки крестьянских бунтов, оторванные от массы, очень быстро теряли качества "проявляемые ими, когда действует чувство плеча. Вместе с массой они вожаки, без нее они ничем от нее не отличаются" (15). Вожаки во многих случаях действуют в рамках того же родового сознания.

Во внутренней жизни человека иерархичность миропорядка проявляется через особую ритмичность его жизни. Жизненный ритм, по крестьянскому представлению, "необходим человеку во всей его основной деятельности". Ни одному человеку, а всей его семье, всей деревне, всей волости и всему крестьянству (...). Ритмичной была вся жизнь от колыбели до гроба (...) разрыв в цепи естественных и потому необходимых житейских событий или же перестановка их во времени лихорадили всю человеческую судьбу" (16). Каждое событие в жизни человека имело свой черед, отношение к каждому событию было определено традицией. В ряду прочего и смерть. "Смерть, поскольку ты уже родился, также необходима как и жизнь (...). Старикам чинно и даже с некоторой торжественностью готовили себя к смерти" (17).

Отношение к будням, праздникам, к труду, к браку, к грамотности, к религии, к обязанности взаимопомощи и так до бесконечности определено традицией.

Община зорко следит за тем, чтобы традиции соблюдались строго. Для этого у нее есть множество стработанных механизмов. "Мнение семьи, родственников, ближайших соседей, селения в целом и комплекса ближайших селений - это регулятор поведения, оказывающий постоянное воздействие на формирование и сохранение традиционных воззрений и соблюдение традиционных норм." (18). Вопросы о добре и зле решает мир - коллективный разум общины. Он выносит свои заключения по всем моральным вопросам, - относящимся к внутренней жизни общины, и к тому, что происходит вне ее. В идеале, а очень часто и на практике, решения мира единогласны.

Родовая нравственность - нравственность определенного

стабильного социума, вместе с ним она зарождается, вместе с ним и погибает. И после разрешения данных соответствующих общественных структур, община (в том значении, которое мы оговорили в начале статьи) рано или поздно, в первом поколении или в последующем, расстрачивает моральные ценности, ей принадлежащие. Ведь принадлежат они общине, а не человеку. Совесть становится функцией не личности, а общины, объективируется, выносится во вне.

На уровне родового сознания каждый член общины — исполнитель определенной социальной, не скажу роли, т.к. роль так или иначе подразумевает игру, что-то не вполне интерисриризованное, а функции. Эту функцию до него исполняли другие и после него будут исполнять другие. Л и ч н о с т н о е сознание характеризуется прежде всего тем, что человек — как бы точнее сказать? — догадывается об уникальности и вместе с тем универсальности своей и вообще человеческого существа. По отношению к личностному сознанию, родовое сказывается материалом, из которого личностное лепит то, что соответствует его установкам.

Мне бы хотелось выразиться так: в личностной нравственности мы имеем дело по сути с тем, что остается в человеке за вычетом всех социальных наслоений. Это не означает, что личностное сознание вполне внесоциально: его доминанты связаны с социальным окружением, с потребностями социума и кроме того часть из этих доминант прямо относится к сфере общественной и даже политической. Но здесь всегда остается свободный выбор, личный выбор, который не может быть до конца predetermined ничем внешним. Отношение же ко всему внешнему максимально личностно окрашено. Это отношение личности, которая понимает себя как целостность, и чему-то или кому-то вне себя. Личное сознание — это особый, только данному человеку присущий модус отношения к реальности. Личностное сознание далеко не сводится к доминантам.

Нормы личностной нравственности сформулировать трудно, да они и не могут быть сформулированы до конца. Но даже, представая перед нами в виде четких формул, они требуют свободного творческого истолкования. Они не могут охватывать все сферы моральной деятельности человека, а служат скорее указателями направлений, в которых следовало бы вести поиск разрешения моральных проблем. Даже если доминанты личностного сознания

уже усвоены на рациональном уровне, к их творческому осмыслению человеку еще только предстоит прийти.

Личностное сознание охватывает всю структуру личности. Хотя я и употребляю так часто слово сознание, но подразумеваю и сознание как таковое и бессознательное. Это не качественная надстройка над психикой и даже не внесение в нее нового качества: это изменение всей психики.

При этом возможна и сознательная аморальность. Еще чаще мы встречаемся с тем, что человек просто не справляется с проблемой выбора, принимая зло за добро. Но этот риск необходим, не будь его, нам не пришлось бы и говорить о человеческой свободе.

Уровень личностного сознания может быть более или менее прочным. При сильном давлении он может ломаться. Однако, бесследно он никогда не исчезает. Но осмелюсь предположить, что если уровень личностного сознания достигает некоторой критической точки, то оно уже не разрушимо.

Личностное сознание не вытекает из родового. Пробуждение личностного сознания начинается незаметно, проявления его не резкое. Человек долгое время живет как бы на подступах к нему. В его жизни встречается множество малых пограничных ситуаций (МПС) и у него набирается опыт принятия самостоятельных решений. Если такого опыта нет, то любая самая сильная пограничная ситуация неспособна породить ничего, кроме растерянности. Часто, но не всегда МПС связана с ситуацией выбора (поступка, оценки, образа мыслей и т.д.) в большинстве своем совершаемого бессознательно. И сознательно, и бессознательно, но человек обобщает свой опыт МПС. Каждая пережитая МПС делает человека все более и более чувствительным к последующим. Поэтому одна из них, сама по себе может быть очень мелкая, вызывает острейшую реакцию и приводит к образованию личностного этического сознания.

Восприимчивость к МПС у разных людей различна. Здесь скажутся врожденный строй души и особенности воспитания. Для многих характерно бессознательное бегство от реальности. И жизнь может быть не трагична, и смерть — тоже. То, что живое существо не может примириться с собственной смертью — миф, выдуманный философами. Люди находят простой способ объяснения собственной смерти: так поступают все, следовательно, так должен поступить и я. Не умереть — значит оказаться белой вороной.

Это вполне в рамках родового сознания. Вообще так: ситуация, критическая, пограничная для одного, для другого - пройдет незамеченной.

С другой стороны, пограничными для человека (по крайней мере с какого-то момента) оказываются ситуации определенных - для каждого своих - типов. И чем дальше идет процесс развития личности, тем такая избирательность более выражена. В конце концов, человек почти сознательно "нарывается" на них. Вся цепочка малых пограничных ситуаций связана с поиском человеком своего места в мире.

Личностное сознание означает, что человек соглашается взять на себя ответственность за каждый свой шаг, может осознать уникальность и вместе с тем универсальность каждого человеческого существа. Это не означает, что всякий, кто пережил критическую ситуацию, в ком пробудилось личностное сознание, действительно полагает в основу своей деятельности эту уникальность и эту универсальность, но он способен прийти к этому. Мы не можем сказать, что носитель личностной нравственности "лучше", чем носитель родовой. Но потенции, которыми он обладает, несравненно выше. Смена родового сознания личностным происходит постепенно, и нет никаких гарантий, что процесс этот завершится успехом. Но до критических МПС он не может и начаться.

Развитое личностное сознание преобразует родовое. Родовое оказывается материалом, из которого личностное лепит то, что соответствует его установкам. Оно, включаясь в общую структуру, как бы получает стержень. Личностное сознание проникает до самых глубин человеческой психики, проникает в бессознательное, творит новые установки. Пробуждаясь, оно преобразует и эрзап-этическое сознание (с которым нам еще предстоит разговор), постепенно заполняя содержанием те лакуны, которые образуются при выхолащивании родовых этических структур - и таким образом в известном смысле обрешивает эрзап-этическое в полноценное родовое (хотя этимология этого родового совершенно другая).

Человек с развитым личностным сознанием отличается от того, кто живет родовым или эрзап-родовым не тем, что только он является личностью, а тем, что личность в нем особым образом проявляется внешне. Личность дана нам как дар, но и задана нам

как задача. Пробуждение личностного сознания — важная, но промежуточная ступень в решении этой задачи. Личность представлена в каждом человеке, но часто как бы в потенциальном, скрытом виде.

Носителей личностного сознания мы встречаем и в крестьянской среде. Обычно оно имеет религиозную окраску и в большинстве случаев такой крестьянин не вполне живет жизнью общины. Он не то, чтобы порывает с ней, но как бы может отойти от нее, ставшись монахом, странником. Либо он живет вместе с общиной, но отношения его с ней особые: он строит келью поблизости от деревни (в некоторых местностях этот путь распространен особенно для женщин, она часто даже остается в семье, участвует в хозяйственных делах, нянчит племянников, но все-таки жизнью живет своей особой (19). Но даже имея собственную семью, собственных детей, как-то все-таки среди других общинников выделяется.

К сожалению у нас нет возможности проследить их внутренний путь — цепочку МПС. Для этого нам надо было бы иметь историю их жизни, написанную ими самими. Выходцы из крестьянской среды оставили крайне мало таких текстов. Мне известен один — "Откровенные рассказы странника свсему духовному отцу" неизвестного автора (20). Историю своей жизни до начала свсих добровольных скитаний странник списывает кратко и неполно. Восстановить всю цепочку пережитых им пограничных ситуаций невозможно, но и из того, что мы имеем, ясно, что странник — обычный крестьянин, проделал путь от бытового православия до самых высот богословских умозрений — и пережитые им пожар, уничтоживший все его имущество, болезнь и смерть жены были какими-то вехами в его пути. Все эти события воспринимались им как указания на то, что он должен стоять от мира, а случайно услышанная им проповедь о необходимости непрестанной молитвы дала доминанты его личностному сознанию.

Но чаще мы встречаемся только с упоминанием о таких крестьянах. В частности, даже в официальных документах, поскольку они привлекали внимание гражданских и церковных властей, даже Синода. Крестьянину Федору Ивановичу Серову из Череповецкого уезда Новгородской губернии, который был очень популярен в округе, обращая в православие раскольников. Непосредственно в своей

округе он обратил в православие 13 человек, "не говоря о посторонних" (21), после испытания в нравственных качествах и сведения о догматах веры Серову было предоставлено право обращать раскольников. "Ему были направлены книги богословского содержания, о содействии в приобретении которых он просил, т.к. не нашел их у местного священника" (22).

С точки зрения распространенности личностного сознания в крестьянской среде нас должна заинтересовать и такая информация. В известных в Сибири диспутах с вероисповедателями официальной церкви "наиболее активными противниками казенного духовенства выступали (...) не старообрядческие крестьяне, не скитские старцы, а обычные (православные - С.Л.) крестьяне" (23).

Можно предположить, что личностное сознание связано и со специфической крестьянской книжностью. Чем и как могли отличаться земледельцы, библиотеки которых насчитывали до 2000 томов? Это обычно религиозно-нравственные сочинения, справочные научно-популярные издания, беллетристика, исторические сочинения. Земледельцы, переписывающие книги рукописные и древней печати, знакомые с сочинениями Отцов церкви, прекрасно помнящие жития святых и рассказы из пролога? (24). Таких крестьян были единицы, но в том-то и дело, что их были единицы! Хотя, по словам А.С. Хомякова, "большая часть сельских общин приняла, как я сказал веру Христову с тихим и немудрствующим, зато и несколько равнодушным доверием" (25) и "Земля Русская в большей части своего населения приняла более обряд церковный, чем духовную веру и разумное исповедание церкви", но для функционирования общины в рамках определенных доминант и этих немногих было достаточно.

Для нормального существования родовой морали необходимо, чтобы внутри социума, носителя данной родовой морали, находилось некоторое количество людей - носителей личностного сознания. Доминанты их личностного сознания не совпадают с нормами данного родового, но с ними соотносятся. Точнее было бы сказать, что эти доминанты и эти нормы имеют одно и то же направление. Но в отличие от личностных, родовые упрощены, определены, конечны. Носители личностного сознания, связанные с традиционным социумом, являются гарантией доброкачества родовых норм данного социума, и препятствием профанированию ценностей родовой морали. Посредством деятельности этих людей постепенно,

медленно нормы родового сознания изменяются. Чаще всего, это люди с таким типом личностного сознания, который я назвала бы слабо рефлексивным.

Ведь вообще, ни склонности к рефлексии, ни способность к абстрактному мышлению личностное сознание не требует. И если мы связываем личностное сознание в крестьянской среде с книжностью, которая требует каких-никаких интеллектуальных способностей, то о многих других проявлениях личностного сознания у нас просто не сохранилось свидетельств просто потому, что внешне они не выглядели так ярко. И внешне может казаться, что эти крестьяне живут вполне по родовым нормам, но в критический момент для них будет характерна реакция на личностном уровне. У них тоже был свой внутренний путь. Свои МПС, им только труднее с них рассказать, труднее выразить словами свои мысли. Но именно они являются столпами традиционного общества, или, если общество резко сворачивает на иной путь, сказывается "верным остатком". Та специфическая роль, которую играют в общине люди с личностным сознанием, роль советчиков.

Одним из путей образования норм родового сознания будет в свою очередь объективирование и в таком виде интериоризация доминант личностного сознания. О других путях скажем ниже. То, что человек однажды осознал как откровение, может постепенно стать привычными нормами поведения. Доминанты личностного сознания при этом примитивизируются.

Проявления личностного сознания, связанные с деятельностью в крестьянской среде народников и других революционных пропагандистов (т.е. когда встреча с пропагандистом оказывалась пограничной ситуацией, даже критической пограничной ситуацией) часто оставались в рамках тех же традиционных доминант. Носители такого личностного сознания испытывали сильное воздействие иных культурных и этических традиций, активно общались с ними, опыт этого общения оставил в их душах глубокий след, но в итоге они остались верны своей традиции, углубив ее, сняв ее условность и ограниченность. Их бытовая религиозность превращалась в глубокую, осознанную.

Такой пример мы встречаем в воспоминаниях народника, косвенно причастного к чигиринскому делу, Владимира Деборорья-Москриевича. После провала задуманного восстания Москриевич уже

в тюрьме встречается с чигиринскими крестьянами:

- Узнаете меня? Сколько здесь сидит ваших, чигиринских? - спрашиваю я.

- Человек шесть. - Ответил он. - И Кузьма тут.

- А где же Кузьма? - спросил я. (Кузьма - крестьянский во-
жак - С.Л.).

- А он сидит в камере.

- Что же он делает в камере?

- Все больше читает Евангелие.

(...) Раз или два показалась его фигура среди других арес-
тантов, он так далеко гулял от окон политических, что загово-
рить с ним не было возможности. Вглядываясь издали в его блед-
ную физиономию, я ничего не мог в ней прочесть; но странно - ли-
цо его с трудом напоминало прежнего Кузьму. Один раз, помню,
он даже довольно близко подошел к нашему фасаду, даже поклонил-
ся нам, и я как будто заметил на его лице что-то вроде улыбки,
но он не заговорил со мной.

Трудно допустить, чтобы в таких условиях могла сохраниться
у Кузьмы чистая вера и идеализация царя. Что же, однако, дол-
жен был думать умный Кузьма после всего предыдущего? И не возь-
мусь анализировать его чувства, но мне кажется только, что ~~я~~ по-
нял причину, почему он так редко выходил из камеры и почему не
заговаривал с политическими. Я понял, а потому и сам не решился
заговорить с ним. Как провинившийся мальчишка, я не знал с че-
го начать свои объяснения. Да всякие объяснения, я думаю, оказа-
лись бы неуместны: Кузьма глубоко замкнулся от всего окружающе-
го мира" (27).

Случай с Кузьмой, в числе прочих, свидетельствует о том,
что несмотря на трудности и невзгоды, переживаемые чигирински-
ми крестьянами (28), несмотря на их готовность к бунту, их родо-
вое сознание было крепким, добротным. Взаимодействие с посите-
лями другой традиции было относительно кратковременным и давле-
ние не было слишком сильным и упорным. Если бы народники не сы-
грали (почти случайно) на одном из важнейших стереотипов крестья-
нского сознания, - их влияние осталось бы почти незамеченным,
как влияние десятков других, у которых на 20 пропагандистов
приходилось по одному распропагандированному (29). Вот образец
реакции носителя прочного родового сознания на не очень навяз-

чивую попытку пошатнуть его. Это эпизод из воспоминаний народника А.О. Лукашевича, как он работал в плетничьей артели в селе Павлово на Оке. "Согласившись с моими послылками колхозивцев делает из них с в о й вывод или подводит с в о й итог, а именно утверждает, что сами они, деревенские, во всем виноваты... По этому воззрению им приходилось терпеть нужду, обиды и скверное обращение собственно потому, что сами они погословно все забыли Бога и пьяницы. Не помню за давностью лет, находил ли я аргумент против этого, но остается факт, что я никак не мог сбить моих собеседников с их позиции" (29).

Это при неагрессивном нажиме. Чем больше усиливается давление, тем активнее сопротивляется община. Тип родового этического сознания, присущий общинникам, борющимся за самосохранение, можно выделить как особый.

Мы можем наблюдать его во время столыпинской реформы, которая была — до коллективизации — самой сильной атакой на общинный строй. Она изначально была направлена не только на разрушение общины как хозяйственного механизма, но и как психологической общности. Чтобы крестьянин стал единоличным хозяином, в значительной мере должно быть изменено его мировоззрение. Он не должен принадлежать теперь к той иерархии, членом которой ощущал себя каждый крестьянин. Это означало отказ от целого ряда (хотя и не всех) норм родового сознания.

Пропаганда, которая сопровождала столыпинскую реформу, была довольно примитивной пропагандой индивидуализма, хотя, возможно, субъективно она ставила своей целью пропаганду раскрепощения личности. "Нет никакого сомнения, — писал корреспондент "Нового времени" Меньшиков, — что стныне в общине останется лишь самый неспособный крестьянский элемент. Лады стада. Всякий крестьянин, чувствуя себя хозяином, пойдет на отруба. (...) Освободите сильнейших. Дайте им возможность захватить на свой страх и риск! Снимите с земледельцев не призванию удушливый хомут общины! Предоставьте слабым остаться в общине, если они не могут иначе жить, как в стаде." (30).

Налет нищенства в приведенной цитате очевиден. Но, впрочем, община и походила в тот момент на разъяренное стадо. Сопротивление было поистине иррациональным. Из речи отрубщика Гусева на саратовском съезде земледельцев: "После первого марта

жизнь наша, мелкого землевладельца, ни на что не похожа. Дрожишь, за калитку выглядываешь с опаской. И имею 12 десятин. Но у меня вытравили луга, уничтожили лес, забрали последнего военнопленного". (31). Из газеты "Земля и воля": "У нас с отрубщиками при каждой встрече происходят ссоры, и мы ненавидим друг друга хуже германцев". (32). "21 июля 1914 года толпа крестьян слободы Карabut Воронежской губернии вооруженная лопатами и топсирами, отправилась в поле и уничтожила межевые столбы на отрубном участке Ткаченко. Когда общинники возвратились в село, их встретил Ткаченко и два раза выстрелил из револьвера (кстати, агрессивное поведение со стороны отрубщиков относительная редкость. Для них характерно скорее пассивно-оборонительное поведение). В слободе ударили в набат. Крестьяне бросились преследовать отрубщика." (33).

Особый налет иррациональности придает борьбе с отрубщиками сверхактивное участие женщин в этой борьбе. Женщины вообще дольше сохраняют родовое сознание, активнее за него сражаются. Родовое сознание вообще кажется женским началом в человеке. В свидетельствах полиции то и дело встречается: "Толпа баб с кольями... За бабами следовали подростки...", "Толпа баб с палками, сапами, косами и т.п."... "Собралась толпа крестьян, преимущественно женщин"... "Бабы, вооруженные вилами, сапами и т.п....".

Вот оно вывернутое наизнанку родовое сознание. Страшен русский бунт. И только у особого эстета или же откровенно тенденциозного исследователя акт его может вызвать удивление. И эта отчаянно жесткая борьба за свою целостность сама является составляющей родовой морали. Кровь, пролитая участниками бунта, вряд ли ляжет на его, конкретного человека, совесть. Речь идет о коллективной самозащите. Впрочем, такой активный натиск на общинное сознание извне и обостренная болезненная реакция общинного сознания на этот натиск вряд ли пройдет без последствий. Коллективизацию совершали, точнее дали себя коллективизировать, дети столыпинской реформы.

Но также прямое, целенаправленное разрушающее воздействие, когда община способна сопротивляться как единое целое, имеет возможность действовать как мир, сравнительно редко. А по большому счету она только так и может сопротивляться. Сам по себе отдельный носитель родового сознания, вне социальных связей и интериоризированных, (и не в такой чужой системе, где он вос-

принимался бы как представитель собственной) в большой мере беззащитен. Тот, у кого с детства сформировалось прочное родовое сознание, пытается отгородиться от чужого влияния, как в приведенном уже случае с народником Лукашевичем, если только можно — пропустить между ушей.

Но когда на родовое сознание недостаточно прочное (конфликтное) оказывается сильное давление извне (например, носителями другой традиции) — при том, что личностное сознание недостаточно развито, может произойти замена родового сознания на эрзац-этическое (законное), (на такое, которое оказывается вместо родового — поэтому я использую приставку "эрзац"....). Это происходит в том случае, если какая-либо неглубоко укоренившаяся норма родового сознания может быть отвергнута и превратиться в простое правило поведения, внутренней установке не отвечающее. Допустим, что то, от чего индивид отказался, действительно дурно. Но вспомним, что он сделал это исключительно под внешним влиянием. Отвергнута одна этическая норма, почему не другая? Целостность, девственность надсознания нарушается. Начинается цепная реакция. В кризисные эпохи, когда родовое сознание, вообще ослаблено, люди с разрушенным родовым сознанием могут представлять реальную опасность. Они как бы заразны. Даже человек весьма крепких моральных устоев может пострадать от них. На одну чашу весов поставлен отказ следовать требованиям подсознания, на другую — разрыв с социумом.

Родовая мораль заменяется набором правил, а сама она, еще живая в нем, загоняется поглубже. Эти правила человек выбрал не сам и не может отнестись к ним свободно. Следуя за каким-то призывом и лозунгом, отказываясь от своей родовой нравственности, пусть даже тонкой и несовершенной, но органичной в нем, он отказывается от чего-то живого, органичного в себе. Не так просто отбросить все сомнения, много сил уходит на то, чтобы их подавить. Когда он видит эти же сомнения в другом, в нем это вызывает протест.

Тот новый дух, который проникает в деревню, дух капитализма и индивидуализма, дух свобод и прав личности, создавая кризисные ситуации, способствует пробуждению в ком-то личностного сознания. Сами эти установки для кого-то из хуторян становятся доминантами личностного сознания. Теоретически, можно было бы

ожидать, что в течение некоторого, достаточно длительного времени, эти понятия, упростившись, приобретя однозначный, легко уловимый смысл (потому что, вообще-то, за понятием капиталистической свободы личности лежит целое, непростое по сути религиозно-философское обоснование, ведущее свое происхождение из протестантизма) (34), станут нормами родового сознания, не крестьянской поземельной общины, а, скажем, уже ставшего традиционным поселения частных хозяев-фермеров. Но сейчас для большинства подобные установки могли стать только содержанием эрзац-родового сознания. Ведь то, что для кого-то было откровением, для другого может превратиться в нормы эрзац-этического сознания. Поведение, соответствующее установкам личностного сознания (особенно такого, которое я называю рефлексивным) отличить от родового несложно, но личностное и эрзац-этическое для поверхностного наблюдателя иногда может быть неразличимо. Хотя первое очень индивидуально, связано с большой внутренней работой, а второе — слепое следование за правилами, лозунгами, нормами, предложенными извне — но ведь то — тайна души.

Аналогичным образом ломались и родовые установки крестьян, подавшихся в перу бурного развития капитализма в город и ставших там пролетариатом и полупролетариатом. Сам по себе отъезд на заработки еще не был нарушением привычных стереотипов. Крестьяне испокон веку знали отхожие промыслы. Отходники приносили в родную деревню чуждые для нее установки и обычаи, но влияние этих сбывшев не было сильным или навязчивым и община обладала достаточным к нему иммунитетом. На заводе же бывший крестьянин попадал в среду совершенно иную, которая требовала от него совсем иных форм поведения. И в этом случае можно было бы ожидать, что постепенно сложится новое родовое сознание — городская фабричная община. Нормы возникшего было эрзац-этического сознания интериоризуются, превратятся в родовые нормы.

Процессы, происходящие в городе, способствуют размыванию родовой морали крестьянской общины. Предметы городского быта, городские манеры, городские песни входят в моду. Молодые городские ребята затмевают в глазах деревенских девушек своих, местных. Будь они совсем чужаками — отношение к ним было бы остороженнее, но они свои, выходцы из родного села. Благодушный Семеновского уезда Нижегородской области сообщает: "Они (городские

рабочие), являясь в деревню к родным по преимуществу в престольные праздники, рассеивают тлетворное влияние" (35). "Приехавший в августе 1905 года к отцу в деревню Старое Тепелево сормовский рабочий Н.К.Канниев, говорил одному из крестьян-собеседников: "Если царя не будет, то и нам отойдут леса и всё, а теперь мы стеснены во всем". Другому втолковывал, что можно жить и без царя: "Царя не будет, мы сами знаем закон" (36). Другой благочинный писал: "Многие рабочие, выгнанные за беспорядки с заводов и возвращенные на место жительства на родину без прав даже въезда, перенесли свою агитацию в деревню" (36).

И не то, чтобы в эти годы в деревне значительно распространилось эрзац-этическое сознание, но родовое ослабевало все более и более, становилось тонким, конфликтным. Человек в общине в значительной мере теряет ощущение надежности, защищенности. Стихийные бедствия (как например, неурожай девяностых годов) воспринимаются как катастрофа, вселенская.

Деревня становится все менее и менее устойчивой к внешним влияниям. И если в восьмидесятые годы разочарованные народники практически совсем оставляют "хождение в народ", то когда в девяностые годы группы-предшественницы партии эсеров пытаются наладить рабсту в деревне, не очень надеясь на результат и пользуясь практически теми же методами, что и народники, успех удивляет их самих. Брешко-Брешковская (Бабушка) в своих воспоминаниях, относящихся к девяностым годам, пишет: "Так как все, что производилось (речь идет с книгах революционного содержания) в Саратове, а затем в Пензе и других городах, не удовлетворяло и сотой доли потребности народного спроса, то огорченные мужики сами явились в город и требовали, чтобы их обучили гектографическому искусству" (37).

Целенаправленная пропаганда и в деревне и в городе, как официальная, например, при насаждении столыпинской реформы, так и революционная, способствует возникновению все новых и новых очагов эрзац-этического сознания.

Но, конечно, воздействие на родовое сознание со стороны носителей личного, доминанты которого по своей направленности отличаются от этого родового, не обязательно должно приводить к образованию такого значительного пласта эрзац-этического сознания. Здесь дело, очевидно, ни в чем ином, как в доминантах

личностного сознания. Я уже говорила о том, что носитель личностного сознания, будучи способен в отличие от носителя родового или эрзац-родового, осознать уникальность и универсальность каждого человеческого существа, совсем не обязательно хочет ее осознавать и действительно полагать в основу своей деятельности. При личностном сознании возможна и сознательная аморальность (которая будет представляться как сверхморальность), как мы видим ее у Нечаева с его жутким "Катехизисом революционера". Носитель личностного сознания вовсе не обязательно стремится избавиться от стремления подавлять (садо-мазохистического комплекса). Но и при личностном сознании могут быть такие установки, которые просто не позволяют его носителю обращаться не к самой сути другого человека, к глубинам его личности. И встреча с таким носителем личностного сознания сама окажется для другого той пограничной ситуацией, которая послужит появлению в нем самосознания. Носитель личностного сознания обращается к его воле, к его свободному выбору, к его счастью. Способствует пробуждению в нем личностного сознания.

С другой стороны, установки личностного сознания могут быть таковы (мы берем два крайних случая), что носитель их, даже если он ставит перед собой самые благие цели, не находит нужным обращаться к экзистенциальным глубинам бытия другого человека, смотрит на другого как на объект служения, которому приносится жертва, объект, которому надобно открыть дорогу в светлое будущее. Короче, пусть и объект с л у ж е н и я, но все-таки объект. И хотя причины, подвигнувшие человека на служение своему объекту могут быть самого возвышенного свойства, своим объектом он интересуется не более той мерой, чтобы лучше знать, каким путем его можно осчастливить. То есть по сути не интересуется им. Вот так народник Добродорий-Мокриевич пишет о своем визите к товарищу своих детских игр крестьянину Тымко - о ситуации, по моему определению ставшей для него пограничной (что можно вывести из анализа его автобиографии): "Именно тогда я стал это понимать - понимать не умом только, а так сказать, ощущать это всеми своими пятью чувствами, что наша жизнь так сложилась, что большинство людей, крестьяне, работают, мучаются и живут очень дурно, а мы меньшинство, привилегированные, пользуемся их трудами и живем хорошо. А во избежание того, чтобы

случайно как-нибудь внутри нас не заговорила совесть и не помешала нам спокоебно предаваться удовольствиям жизни, мы придумали себе объяснение, что мужик привык к физическому труду и что он вовсе не страдает от этого, что он даже счастлив не меньше нашего (...). Нахсдились даже такие, которые считали, что несчастные собственно они, а не мужики, так как они глубоко чувствуют. И до чего они завидовали крестьянам. "Счастливые люди!", — восклицали они, глядя на меланхолично веселую толпу крестьянской молодежи, возвращающуюся с вилами и граблями с уборки сена. — Отвратительное лицемерие. Как-будто кто-нибудь мешает вам взять вилы или косу в руки и вкусить самому этого мужичьего счастья?!" (38).

Но ведь физический труд, когда он осмыслен и посилен, действительно может делать человека счастливым, толпа молодежи, возвращающаяся с уборки сена, наверняка будет веселой. Крестьянин, действительно, другой человек, человек иной культуры, живущий в иной системе ценностей. Но эта иная система ценностей априорно принималась как предрассудок. Ее просто не замечали, не хотели видеть, не хотели учиться видеть. "Естественным и необходимым последствием таких понятий и такого презрения к жизни было то, что наука и общество могли, без всякого внутреннего смятения, беспрестанно стремиться к ее преобразованию, — эти слова Хомякова были написаны, конечно, за много лет до эпохи народничества, но долго еще оставались актуальными. — Попытки казались безопасными, потому что хаоса не испортишь, а стремление было благодетельно, ибо все наше просвещение стравлялось от глубокого убеждения в своем превосходстве и в нравственном ничтожестве той человеческой массы, на которую оно хотело действовать. Высокие явления ее нравственной жизни были почти неизвестны и нисколько не оценены. Всякий член общества думал так же как изящный писатель нашего времени, что любая девочка из любого общественного заведения может и должна произвести духовный переворот во всякой общине русских дикарей. Никому и в голову не приходило, что из этих общин чуть-чуть не австралийцев, еще не слышавших о христианском законе, выходили и выходят Паисий и Серафимы и множество других духовных деятелей, которых нравственная высота должна изумлять даже тех, кто не сочувствует их стремлениям; что из этих общин льются

потоки благодеяний, что из них являются беспрестанно высокие примеры самопожертвования, что в тяжелые годы военного испытания они спасали Россию не только своим мужеством, но и разумным согласием, а в мирные времена отличаются везде, где еще не испорчены, неподражаемой мудростью и глубоким смыслом своих внутренних убеждений и обычаев. Этому можно бы научиться из наблюдения, даже поверхностного, или хотя бы из немца Блазиуса; но надобно хотеть учиться" (39).

Ситуация осложняется тем, что носитель личностного сознания добровольно и сознательно, "самоответственно", может поставить себя в зависимость от какой-либо идеи, хотеть понимать себя как функцию какой-либо идеи. Сколь бы ни была хороша идея, сколь бы ни была прекрасна цель, человек, как известно, познается не столько по целям, которые он перед собой ставит, сколько по средствам, которые он использует для достижения этих целей. Иначе объект служения может легко совместить в себе значение и цели, и средства и в итоге превратиться из цели в средство, средство служения идеалу. Когда носитель личностного сознания самоответственно отказывается от данной ему в истинной возможности видеть уникальность и универсальность каждого человеческого существа, когда в соответствии со своими доминантами он служит не ближнему, а идее, такая метаморфоза предопределена. Возможность ее мы видим, например, в документе-обращении аграрно-социалистической лиги "К товарищам по мысли и делу": "Только тогда, когда народ из собственной среды выдвинет руководителей своих движений, тогда, когда интеллигенция из центра агитации превратится в могучий знанием, своим умственным капиталом вспомогательный орган для движения, сумевшего встать и стоять на собственных ногах, — только тогда революционное дело в деревне можно считать упроченным, только тогда оно будет вполне зрелым плодом союза идеи с жизнью. Нечего и говорить, как далеко мы теперь от такого положения." Заявка очень хороша. Судя по этому тексту, интеллигенты, борясь за пробуждение человеческого достоинства крестьян, за то, чтобы они осознали свои нужды и сами попытались справиться с ними, будут способствовать, выражаясь согласно нашей терминологии, пробуждению личностного сознания в крестьянах. Однако, это слова, слова... Уже несколькими строчками ниже мы читаем: "...В пределах, допускаемых условиями переживаемого исторического момента, мы должны

революционизировать деревню и сейчас, мы должны заручиться там энергичными и влиятельными сторонниками" (40). Тут уже деревня превращается в объект действия, ее нужно какими-то средствами "революционизировать". Здесь уже не до содействия пробуждению личностного сознания (которое, будучи самостепенным, может все и не захотеть "революционизироваться"). Тут уже фактически, установка на эрзац-этическое. Его "революционизировать" очень даже легко.

Само использование средств, которые необходимо "оправдывать", т.е. средств дурных, "всяких", народниками (несмотря на всю их честность перед собой, целостность, прямоту, желание самопожертвования) предполагалось изначально. Не потом, в период террора, а именно изначально. Вот пример того из воспоминаний уже знакомого нам Вл. Деборерия-Мокриевича: "И хотя мы отрицательно относимся к мистификациям, практиковавшимся Нечаевым, т.к., по нашему мнению, нельзя было обманывать товарищей по делу, но в вопросе об убийстве Иванова, после размышлений, мы пришли к другому заключению, — именно, мы признали справедливость принципа "цель оправдывает средства". (...) Т.е. мы признали справедливость мнения, что для осуществления хорошей цели можно допускать всякие средства. Но, т.к. в основании революционного мировоззрения лежит именно принцип — цель оправдывает средства, (...) то признание с нашей стороны этого принципа было ничто иное, как признание революционного пути. Вот тот важный шаг, который был сделан нами под влиянием нечаевского дела" (41). Надо сказать, что Деборерий-Мокриевич, как видно из его воспоминаний, духовно был связан с Нечаевым и ничуть не в большей мере, чем его товарищи. То, что он говорит здесь — общее место. И мы видим множество примеров, когда народники для лучшей убедительности своих слов, шли на откровенную ложь и подлог. Это не только Чигиринское дело. Вот пара примеров: "Для большей убедительности Янов и Спасищев ссылались на то, что все рабочие, строящие в Самаре земскую больницу, уже на их стороне" (42). "Отвечая на вопросы крестьян, как можно сделать, чтобы лучше было жить, Вайнаровский сказал, что "сделать очень можно, таких как он людей есть 500 человек, все они ходят по стране и заставляют мужиков подписываться к ним. Подписалось уже много!" (43).

В своей книге по истории партии социалистов-революционеров А.И.Спиридович определяет общий характер пропагандистской деятельности "как систематическое настраивание его на весь (здесь и далее выделено мной - С.И.) существующий порядок как политической, так и общественной жизни. Это была сплошная агитация против всего, что только носило характер правительственных учреждений и начинаний" (44). Также определение отнюдь не кажется автору компрометирующим и саморазоблачительным. В этом же ключе он рассказывает и о том, как эта агитация была организована: "Завязав знакомство с каким-либо развитым, революционно-настроенным рабочим, интеллигенты уже через него подбирали кружок из рабочих его предприятия. Кружок собирался на занятия, на которые местный комитет высылал пропагандиста, чаще всего из числа учащейся молодежи. Пропагандист или пропагандистка учили рабочих началам социализма, читали тенденциозные и революционные издания, снабжали ими рабочих, как для личного их использования, так и для распространения среди массы. Они спрашивали рабочих про условия труда, про условия жизни, возбуждали их против всего современного уклада жизни, пользовались от них материалами для прокламаций.

Если дело пропаганды развивалось в городе для комитета благополучно, - число кружков увеличивалось. Из среды кружковых рабочих выбирались представители и объединялись в особые кружки; их называли "агитаторами" (45). Эта схема очень показательна. Цель помочь людям найти истину даже не ставилась. "Распропагандирование" - орудие, средство, с помощью которого пропаганда будет проникать все дальше и дальше. Пропагандисты на первых порах, будучи в значительном числе носителями личностного сознания, в огромных масштабах плодят вокруг себя эрзац-этическое. Потом и среди них большинство составили носители эрзац-этического сознания. Они нацелены на вышибание норм родового сознания и у крестьян, и у рабочих. Они начали эту цепную реакцию, которая уничтожила в конце концов их самих. Доминанты их личностного сознания были обречены на то, чтобы стать нормами эрзац-этического. Потому что были направлены не внутрь человека, обращались не к его глубинам, а к чему-то, что может стать внутренним только будучи интериоризированным, но все-таки интериоризированным объектом - к идеалу. И

идеал этот оставался схемой, интериоризированной схемой, потому что тем силам, которые живут в самой глубине души, в праве на существование отказывалось. Они должны были покориться, стихнуть, подчиниться идеалу, дисциплине. Наверное, что менее всего интересовало русских интеллигентов (большинство из них) — так это жизнь их собственной души. Она почиталась за изыск не свойственный трудовому человеку. Поэтому и не могли разглядеть жизнь души в трудовом человеке: априори предполагалось, что в нем ничего подобного нет и быть не может.

А она была. Была жизнь общины, сложное переплетение и взаимодействие родового и личного сознания. Была жизнь каждого отдельного общинника, влетенного, вживленного в общину. Но он был беззащитен перед чужим влиянием, потому что его душевная жизнь была все-таки не индивидуальная, а коллективная. Община, как субъект родового сознания, взяла на себя функции, которые в соответствии с экзистенциальной природой человека принадлежат только личности, исключила личную, индивидуальную ответственность каждого своего члена за себя самого и передала эту ответственность коллективу. Совесть, вынесенная вовне может сыграть с нами злую шутку, даже если, позвольте так выразиться, субъектом совести будет столь естественное, органическое образование как крестьянская община.

Море взбаламучено. И когда еще утихнет? Узнаем ли мы тогда самих себя? Однако же — путь кризисов и трагедий, позора и смертей — тоже путь. Этот путь еще не пройден до конца, до рубежа, за которым либо возрождение, либо гибель. И то возрождение духа, которое, может быть вопреки очевидности нас ждет, не могло бы стать таковым без десятилетий слез, горя и страдания. Нашего собственного страдания. Опыт зла, которое мы пережили и которое мы сами совершали, нельзя откинуть, ибо путь к жизни лежит через смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К.С.Аксаков. Полн.собр.,соч., т.1.М., 1889, с.279.
2. "Россия", 1906, 29 июля.
3. К.С.Аксаков. Там же, с.279-380.
4. В.С.Соловьев. Национальный вопрос в России.
5. Б.Г.Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX века. В кн.: История и психология. М., 1971, с.208.
6. М.М.Громько. Место сельской (территориальной, соседской) общины в специальном механизме формирования, хранения и изменения традиции. - Советская этнография, 1984, №5.
7. Б.Г.Литвак. Там же, с.209.
- 8.
9. В.Белов, "Лад". Очерки по народной эстетике. - "Наш современник", 1980, № 3, с.72.
10. Там же, с.66.
11. Б.Г.Литвак. цит.соч., стр.209.
12. Цитируется по Р.В.Филиппов. Из истории народнического движения на первом этапе хождения в народ. (1863-1874)".
13. Богучарский. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, с.254-255.
14. Б.Г.Литвак.цит.соч.,с.200.
15. Там же, с.212.
16. В.Белов. цит.соч.с.63.
17. Там же, с.84.
18. М.М.Громько. цит.соч. с.74.
19. М.М.Громько, Традиционные нормы поведения и нормы общения русских крестьян XIX века. М.,1986.
20. Откровенные рассказы странника своему духовному отцу.
21. М.М.Громько. цит.соч.с.112.
22. Там же.
23. Г.Н.Покровский.Урал-Сибирская крестьянская община XVIII в. и проблема старобрядчества. В кн.: Крестьянская община в Сибири в XVIII- начале XX вв. с.182.
24. М.М.Громько.цит.соч. с.
25. А.С.Хомяков. Собр.соч.,т.1.М.,1911,с.251-252.
26. Там же, с.231.
27. Вл.Деборорий-Мокриевич. Воспоминания. СПб,1909,с.385-386.

28. В. Н. Гринев. Народническое движение в среднем Поволжье. М.-Л., № 1966, с. 96.
29. Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов, с. 191.
30. "Наше время", 1903, 25 октября.
31. Г. А. Герасименко. Проявление последствий столыпинской аграрной реформы в деревне в марте-сентябре 1917 г. В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальной и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону, 1980, с. 254.
32. Там же.
33. Г. А. Герасименко. Борьба крестьян против аграрной реформы Столыпина в годы первой мировой войны. В кн.: Крестьянское движение в трех русских революциях. Куйбышев, 1982, с. 61.
34. М. Вебер. Протестантская этика.
35. В. В. Нелкий. Воздействие пролетариата на политические настроения крестьянства в годы первой русской революции. В кн.: Социально-экономические проблемы российской деревни в годы первой русской революции. Ростов-на-Дону, 1980, с. 244.
36. Там же, с. 245.
- 36а. Там же, с. 246.
37. А. И. Спиридович. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Пг., 1918, с. 64.
38. Вл. Лебороторий-Мокриевич. Цит. соч., с. 59.
39. А. С. Хомяков, Собр. соч., т. I, с. 59.
40. А. И. Спиридович. Цит. соч. с. 87-88.
41. Вл. Лебороторий-Мокриевич. Цит. соч., с. 64-65.
42. Р. В. Филиппов. Цит. соч., с. 266.
43. Там же, с. 267.
44. А. И. Спиридович. Цит. соч., с. 99.
45. Там же, с. 96.

.....